

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4426910>

Зимняя Роза

Направленность: Джен

Автор: [Rose_Anne \(https://ficbook.net/authors/1610747\)](https://ficbook.net/authors/1610747)

Фэндом: Marvel Comics, Первый мститель (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Солдат/Вдова

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, Hurt/comfort

Предупреждения: Нецензурная лексика, ОМП, Смерть второстепенного персонажа,

Элементы гета

Размер: Мини, 13 страниц

Кол-во частей: 5

Статус: закончен

Описание:

Провал неприемлем, Зимний Солдат.

Посвящение:

С.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

TOC

TOC	2
1	3
2	5
3	8
4	11
5	14

Солдат изучал новое досье, сидя в номере берлинского отеля. Кислотный розовый отсвет неоновой вывески бара напротив, освещал комнату через распахнутое окно. Включенная лампа поведала бы возможному наблюдателю о том, что скромное, но безукоризненно чистое жилище обрело своего временного постояльца, поэтому Солдат предусмотрительно решил, что слабого розового света будет достаточно.

Он расположился за небольшим столиком подальше от окна и, не спеша, рассматривал документы, которые несколько часов назад получил от своего куратора, перед тем как отправиться в Берлин.

Новой целью стал бывший советский агент, некто Донской Сергей Иванович, 1913 года рождения. Всецело преданный коммунистическим идеалам, некогда верный соратник партии, товарищ Донской три месяца назад изменил своим прежним принципам, сумел тайно вывести свою семью в Западный Берлин, а после алжирского инцидента, который, как позже выяснилось, случился по его вине, сбежал в ФРГ сам. Решения, принятые на Ялтинской конференции в отношении бывшей столицы Третьего Рейха, запрещали Советскому руководству действовать в открытую, а объявить Донского врагом народа и потребовать его официальной выдачи, означало бы признать свое участие в алжирском инциденте. Поэтому Москва решила действовать тайно, поручив миссию по устранению Донского Зимнему Солдату. В конце концов, один агент, в нужное время, в нужном месте, с правильными навыками, может быть более эффективным, чем целая армия. «Он знает слишком много наших секретов. Его предательство нужно пресечь, — сказал куратор, когда отдавал Солдату папку с досье. — Провал неприемлем, Зимний Солдат». Почему-то последняя фраза крепко осела в мозгу Солдата, и хриплый голос куратора продолжал повторять ее снова и снова.

«Провал неприемлем, Зимний Солдат», — слышал он, рассматривая фотографию цели. Со снимка на него смотрел грузный усатый мужчина за 50, с одутловатым лицом. Такого ни с кем не спутаешь и ни за что не промахнешься. Впрочем, Солдат никогда не промахивался.

Если кто-нибудь однажды попросит Солдата рассказать что-либо о себе, то эта незамысловатая просьба, скорее всего, не будет исполнена. Все воспоминания о прошлом, которые так услужливо хранила память, охватывали только три последних года, прошедших с того момента, как Солдат обнаружил себя лежащим на операционном столе, с металлическим протезом вместо левой руки. Он не знал, были ли у него друзья или семья, не помнил настоящего имени (позывной, точно отражающий суть своего владельца, вполне устраивал), однако в одном Солдат был уверен точно: его выстрелы всегда находят правильную цель.

Солдат был предельно аккуратен, он привык чисто выполнять грязную работу, не оставляя после себя никаких следов, ни единой зацепки, которая бы позволила уличить Советы во вмешательстве. Обычно все выглядело либо как несчастный случай, либо как суицид. Официальное объяснение, служившее выдумкой для СМИ, всегда находилось, но оно никогда не соответствовало действительности. Единственными людьми, которые могли бы рассказать правду о случившемся, были сами объекты, подлежащие устранению, однако после завершения миссии, они уже не могли ничего поведать миру.

Завтра утром Донской должен был улететь в Даллас. Объект следовало устранить по

дороге в аэропорт Тегель. Удобнее всего было сделать это, когда цель будет выходить из дома. Тихо и бесшумно, с крыши соседнего здания. На рассвете, когда город еще спит, и вероятность появления возможных свидетелей из числа гражданских близка к нулю. Партия была рассчитана до последней детали и будет безупречно сыграна, как по нотам. Солдат знает, что он виртуозный игрок, да и в какой раз ему приходится начинать эту игру? Сколько миссий он завершил, каков его счет? 20:0? 30:0? А может, число его побед уже перевалило за сто? Он давно перестал считать. Ведь победитель был всегда так очевиден.

Так почему в этот раз у него дрожат руки? Откуда взялась эта смутная уверенность, что завтра все пойдет не по его правилам?

К черту. Наверное, это из-за головной боли, что стала слишком часто мучить его в последнее время. Такое случалось раньше, и никогда не переходило допустимой нормы, вроде ощутимого, но терпимого покалывания в висках. Теперь же эти разовые приступы не только многократно усилились, но и превратились в постоянного спутника. Солдату казалось, что к его виску приставили раскаленный гвоздь и с отвратительным скрежетом царапают им прямо по черепу. Нужно было сказать об этом раньше, той маленькой медичке с холодным взглядом, она бы дала какое-то лекарство или что-то вроде того. Он не должен был ставить выполнение боевой задачи под угрозу, но теперь уже поздно. Солдат выполнит задание, чего бы ему это не стоило. Ведь провал...

«Провал неприемлем, Зимний Солдат»

Солдат поднимается из-за стола и подходит к кровати, на которой в открытом футляре лежит СВД, новая советская разработка, которую в скором времени примут на вооружение в Советской Армии. Идеальное оружие, ничего нельзя придумать лучше и надежней. Механическими, доведенными до автоматизма движениями, Солдат в последний раз проверяет боевую готовность винтовки, думая при этом, что несколько часов отдыха пошли бы ему на пользу. Наконец, он убирает винтовку в футляр, закрывает окно, проверяет надежность дверного замка, убеждается в том, что его боевой нож на месте и ложится спать. «Утро вечера мудренее», — вспоминает Солдат старую пословицу, закидывая живую руку за голову.

Привычный чуткий сон, больше похожий на полудрему, не сразу приходит к Солдату. Он еще долго думает о деталях завтрашней операции, прежде чем ему удастся заснуть. Солдату снится заснеженная долина и звук удаляющегося поезда, уносящего с собой чей-то испуганный взгляд.

Как и предполагалось, на рассвете Солдат занял выбранную позицию на крыше соседнего здания, наблюдая за домом объекта через перископ. Спустя час возле двери припарковался потрепанный Volkswagen Kräfer синего цвета. Обычный, ничем не примечательный автомобиль, в Берлине такой можно встретить на каждом углу, легко затеряться в толпе. Мысленно похвалив своих противников за выбор машины, Солдат приготовился к стрельбе.

Из автомобиля вышли двое агентов в штатском. США держали отъезд Донского в строжайшей тайне. Они не хотели привлекать к бегству русского лишнее внимание, поэтому никого из охраны, кроме этих двоих, не было. Безусловно, такое положение дел было на руку Солдату. Даже в случае провала никакой огласки не будет, Вашингтон никогда не начнет открытое противостояние с Москвой из-за одного предателя. Но ситуация в корне изменится, если США все же смогут вывести Донского на свою территорию. В обмен на безопасность для себя и своей семьи, предатель во всеуслышание признает вину в подготовке теракта в Алжире. Это, в свою очередь, позволит Вашингтону объявить Москву главным виновником алжирского инцидента. За этим может последовать все что угодно, вплоть до открытой военной конфронтации. Другим словами, у Солдата не будет второго шанса, действовать необходимо здесь и сейчас. Но Зимний Солдат не просто так имел славу непревзойденного убийцы. Задания, которые он выполнял с легкостью, другим были просто не под силу. Его называли призраком, виртуозом, художником, однако он сам никогда не относился к своему ремеслу как к искусству. Для Солдата это задание ничем не отличалось от множества других. Привычная знакомая работа, даже скучнее, чем обычно.

Объект, однако, выходить не спешил, и агенты ждали его на входе. Они старались держаться спокойно, избегая редких взглядов первых прохожих, но от зоркого глаза Солдата не укрылись ни нервные перешептывания, ни осторожные попытки найти снайпера. Солдат знал, что все предусмотрел, и возможность его обнаружения была полностью исключена, но эти двое как будто бы что-то чувствовали. Когда один из агентов буквально посмотрел в глаза снайперу, то Солдата охватило непреодолимое желание выстрелить. Он знал, что это неминуемо приведет к провалу операции, но этот неожиданный зрительный контакт был таким обжигающим, что Солдат был готов отдать свою здоровую руку, лишь бы разорвать его. В последнее мгновение агент, судорожно переглатывая, отвел взгляд. Снайпер наблюдал через прицел винтовки, как двигается его кадык словно в замедленной съемке.

После выполнения задания Солдат точно покажется медикам. Раньше такого никогда не было, что-то не так. Отставить волнение! В конце концов, он не имеет права срывать настолько важную операцию из-за бурно разыгравшегося воображения.

Наконец-то Донской вышел. Он остановился у двери, словно никуда не спешил, и спокойно перебросился парой приветственных фраз с агентами. Солдат видит на лице Донского довольную ухмылку, которую пуля навечно припечатает к губам.

Город просыпается, шумно запуская свой привычный распорядок, но для Солдата мир замер.

Палец занимает знакомое положение, сейчас он спустит курок и оборвет очередную жизнь, как уже делал много раз до этого.

— Папочка!

— Моя снежинка!

Ребенок! Маленькая девочка, лет пять, с разбегу вешается на шею отцу. Ветер развеивает ее белое платье. Ребенок закрыл объект. Ребенка не должно там быть! Его не предупредили!

Стрелять. Сейчас. Убить обоих. *Ребенок не цель!*

Солдат слышит, как его сердце бешено колотится о ребра.

И он стреляет.

И рука дергается в последний момент.

И он промахивается. Впервые.

— Блядь!

Донской ранен в левое плечо (какая ирония). Он резко выпускает дочь из объятий, сгибается, хватаясь за руку.

— П-папуля, что происходит?! — испуганно спрашивает девочка. Кажется, она уже плачет.

— Вон там, наверху! — кричит один из агентов. Солдата заметили, прятаться больше нет смысла, миссия должна быть выполнена, нужно действовать.

«Провал неприемлем, Зимний Солдат».

Он бросает СВД в сторону, выхватывает пистолет и прыгает с крыши. Резко приземлившись, двумя точными выстрелами моментально устраняет обоих агентов. На все эти действия у Солдата уходит меньше минуты, однако этого времени хватает Донскому, чтобы схватить ребенка и забежать внутрь дома.

Начинается паника, люди кричат и разбегаются, словно нарочно попадают под ноги, мешая преследовать объект. К тому моменту, когда Солдату наконец-то удастся ворваться в здание, Донской уже успевает добежать до лифта. Он нажимает на кнопку вызова, и металлические двери послушно распахиваются. Солдат понимает, что опоздал, но все равно делает выстрел. Осечка.

Этого секундного замешательства достаточно, чтобы втолкнуть в лифт плачущего ребенка и ввалиться туда самому.

«Нужно бежать, догнать их, объект должен быть устранен», — молнией проносится в голове Зимнего Солдата, и в этот момент случается совершенно непредвиденное событие.

Выстрел, внутри лифта, а затем истошный детский крик.

Двери кабины снова открываются, тело объекта падает между створками, которые бессильно ударяют труп в попытке закрыться.

— Папа! Папочка! — Солдат никогда не думал, что дети способны так кричать.

— Кажется, тебе нужна моя помощь, — говорит Черная Вдова вместо приветствия, грациозно перешагивая поверженное тело жертвы.

Даже в такую отчаянную минуту нельзя не признать, как Наташа сногшибательна в этой черной обтягивающей униформе. Солдат ловит себя на том, что просто любит свою красивую рыжую дьяволицей. Но наваждение, вызванное ее внезапным появлением, исчезает так же быстро, как и появляется, и Солдат чувствует, как в груди поднимается волна ярости. Он просто взбешен чужим вмешательством.

— Тебя не должно быть здесь! — кричит Солдат, впервые повышая голос на Вдову, но Романова только усмехается в ответ.

— И я рада тебя видеть. Я думала, ты никогда не промахиваешься. Ты должен сказать мне спасибо, я только что спасла тебя от провала.

— Я не промахиваюсь, просто... — Солдат отводит глаза от ее идеального лица.

— Что? Ребенок? Неужели у тебя есть сердце, Солдат? Пощадил девчонку? — Солдат отчетливо слышит недоумение в голосе Наташи. Вдова оборачивается и смотрит на ребенка. Девочка мертвой хваткой вцепилась в окровавленную рубашку своего отца, она уже не кричит, но ее плечи содрогаются в приступе беззвучного рыдания.

— Устранение ребенка не предусматривалось, это не входило в мое задание, — сухо говорит Солдат.

— Раньше тебя такие вещи не останавливали, — парирует Вдова.

— Мы и дальше будем пререкаться, или наконец-то уберемся отсюда? — не выдерживает и зло бросает Солдат.

— Как скажешь. — Пожимает плечами Наташа, и они успевают исчезнуть за минуту до того, как в здание врывается полиция.

Солдат знал, что он всего лишь инструмент, хорошо выполняющий ту работу, за которую никто не берется, дабы не испачкать руки. Конечно, перед каждой миссией куратор неустанно повторял давно заготовленные фразы о всеобщем мировом порядке, о великой цели, и о прочих туманно-пафосных вещах, до которых Солдату не было никакого дела. Пустословие, призванное в очередной раз для оправдания ужасных вещей, с которыми некоторым людям приходится сталкиваться каждый день. Наверное, куратор действительно верил, в то, о чем говорил. Впрочем, это мало кого интересовало, пока тот хорошо делал свою работу.

Обычно Солдата не волновали вопросы морали, он привык считать себя оружием, а это означало, что ему запрещалось иметь свои суждения, за него думали другие, и надо признать, что такой расклад всегда устраивал Зимнего Солдата. Поэтому он сильно удивился, когда по возвращению в Москву ему в срочном порядке было приказано явиться к начальству для полного отчета по берлинской миссии.

Солдата вызвали в небольшой полутемный кабинет. Шторы на окнах были плотно задернуты, единственным источником света служила маленькая настольная лампа в стиле ампир, ее мягкого зеленого огонька едва хватало, чтобы осветить массивный стол из красного дерева, однако зоркому глазу Солдата этого было вполне достаточно. Кабинет показался Солдату знакомым. Для выполнения боевых задач ему уже приходилось бывать в подобных комнатах, но он всегда приходил туда без приглашения с единственной целью: оборвать чужую жизнь. В этот раз его впервые позвали сюда специально, чтобы узнать, почему существование владельца очередного кабинета ему прекратить не удалось.

Где-то слева раздался сухой кашель, и Солдат перевал свои размышления, сосредоточившись на поисках источника звука. В большом кожаном кресле удобно расположился худой человек в штатском. Перед ним стоял крохотный столик, на котором разместилась молочно-белая мраморная пепельница. Время от времени человек лениво стряхивал в нее пепел наполовину догоревшей сигареты. Несколько затянувшихся мгновений незнакомец брезгливо разглядывал Солдата, словно ему показали опасно ядовитую гадюку.

Помимо загадочной личности, в кабинете был еще один человек, в котором Солдат распознал своего куратора.

Какое-то время все трое молчали, Солдат не решался начать разговор первым, а двое других смотрели на Солдата так, словно совершенно не ожидали его здесь увидеть. Незнакомец решил заговорить первым.

— О, вот и наш герой! Вы стали причиной крупного дипломатического скандала. Это катастрофа, Солдат, — лениво растягивая слова, оборвал затянувшуюся паузу незнакомец.

— Я был недостаточно информирован! Никто не упоминал о ребенке!

— Может быть, нам стоило упомянуть и о его собаке?

— Я безоговорочно выполняю все приказы, но если вы не даете мне всей информации...

— Вот именно, Зимний Солдат! — нетерпеливо перебил незнакомец, внезапно меняя свои медлительные интонации на резкие, — Вы выполняете приказы, а не задаете вопросы! Мы предоставили вам ту информацию, которую посчитали необходимой для

выполнения вашего задания. Вы должны были справиться без лишних свидетелей, а вас видел целый квартал!

— Донской устранен! Ребенок не...

— Ребенок всего лишь допустимый ущерб! Вы не представляете, сколько проблем нам приходится решать из-за вашей сентиментальности! Вы скомпрометировали себя, Вдову, и, что хуже всего, вы скомпрометировали нас!

— Послушайте...

— Вы отстранены, Зимний Солдат! А теперь идите. Завтра решим, что с вами делать.

— *Fuck It!* — железный кулак левой руки с громким хрустом впечатывается в стол.

Солдат резко разворачивается и уходит. Он не слышит разговора между незнакомцем и куратором.

— И это ваш лучший ресурс? Неуравновешенный и сентиментальный, он слишком наивен для такой работы.

— За три года он ни разу не промахнулся. Дипломатическая миссия ООН, генерал НАТО, посол Великобритании, министр обороны Франции, наконец! Назовите мне, еще хотя бы одного человека, способного так же мастерски справиться с подобными заданиями. Он настоящий виртуоз!

— Верно, до вчерашнего инцидента он блестяще справлялся, однако теперь проект «Зимний Солдат» скомпрометирован. Не думайте, что я не знаю, о его отношениях с Романовой. Если вы не заметили, он кинул нам замечательную фразу на прощание и оставил внушительную отметину на вашем столе. Вам не кажется, что он начал вспоминать, кем он был на самом деле?

— Ситуация нестандартная, Солдат был раздосадован неудачей.

— Раздосадован неудачей? Вы сами слышите, что за бред вы несете? Ваш протеже только что послал меня по-английски, и это говорит о многом. Если вы забыли, кто он, советую заглянуть в его досье, думаю, это избавит вас от лишних иллюзий.

— Я знаю, кем он был.

— Тогда вы должны помнить, что в годы Второй Мировой он, как и другие члены «Воюющих Коммандос», был символом несокрушимости армии союзников. Времена изменились. «Коммандос» теперь нет, однако, что это меняет? Ничего. Зимний Солдат по-прежнему символ несокрушимости. Нашей несокрушимости. В этом вся и разница, полковник. Вы говорите, что он человек? Боюсь, полковник, вы ошиблись. Он оружие, и всегда им был независимо от стороны. Он изменил имя, страну, личность, но сохранил свою суть. *Безоговорочно выполнять приказ*. Наша с вами задача всего лишь давать Солдату то, ради чего он и был создан, и устранять все помехи, мешающие ему выполнять свое предназначение. Помните об этом, полковник.

Вместо ответа куратор подходит к окну. Ему жутко хочется открыть окно настежь, чтобы ветер заглушил режущий звук голоса незнакомца, он даже поднимает руку, чтобы ухватиться за штору, но...

«Что это меняет? Ничего».

Куратор опускает руку и поворачивается лицом к своему собеседнику. Незнакомец успел подняться с кресла и теперь прищурившись смотрел на него. Понимая, что уже знает ответ, куратор все равно спрашивает:

— Так что же теперь с проектом «Зимний Солдат»? Он будет закрыт?

— Устранить такой важный ресурс? Ситуация не настолько критична, но, как

выяснилось, мы были на грани катастрофы. Признаю, мы недостаточно хорошо следили за нашим оружием, поэтому и произошла осечка, впредь будем такого избегать. Я увидел достаточно, чтобы в своем отчете рекомендовать вернуть проект к фазе А1.

— То есть вы хотите сказать, что...

— Именно. Теперь мы будем замораживать Зимнего Солдата после каждой миссии, а при пробуждении обновлять импланты в мозгу. Это позволит восстановить его функциональность. Устранить помехи, вот что важно, друг мой. — На последней фразе незнакомец ухмыляется и идет к двери. У самого выхода он внезапно останавливается, и с улыбкой бросает на прощание:

— Вы зря не открыли шторы, полковник. У вас душно, немного свежего воздуха не помешает. Это поможет трезво мыслить.

Через пять минут после ухода незнакомца, куратор поднимает трубку телефонного аппарата и делает важный звонок.

Приказ об отстранении изменил обычный распорядок дня, и теперь вместо Солдата подготовкой агентов занимаются другие люди, но он как всегда приходит в зал в назначенное время. Непривычная тишина вокруг обостряет все его чувства, поэтому шум приближающихся шагов куратора он распознает задолго до того, как тот подходит к двери. Солдат стоит спиной к входу, намеренно не оборачиваясь и не встречая вошедшего привычным кивком головы.

— Должно быть, непривычно? Я и не думал, что днем тут может быть так тихо, — куратор выглядит спокойным, даже расслабленным, но Солдат не из тех, кого можно легко обмануть. Он видит своего начальника насквозь, слышит фальшь в его голосе. Разговор будет нелегким.

Нужно ждать, дать тому время. Солдата учили вести допрос, он знает, что порой люди могут сказать куда больше, чем хотели изначально. Нужно просто наблюдать, позволить ошибиться собеседнику первым.

Солдат разворачивается и молча, смотрит в упор на куратора.

— Знаешь, тишина это не так уж плохо. Она помогает сосредоточиться, найти новые решения. На твоём месте я бы воспользовался тишиной, чтобы все обдумать, — продолжает куратор, впери́в взгляд в стену. Его тихий голос звучит слишком громко в мертвой тишине зала. — В конце концов, у тебя не так часто случаются выходные. Наверное, это первый за три года. Используй это время с пользой, когда еще такое будет.

Солдат по-прежнему и куратор, понимая, чего от него ждут, переходит к сути дела.

— Ты же знаешь, что тебя вызывали сегодня утром в кабинет не для отчета. Им нужно было посмотреть на тебя. Этот человек, он... Он, скажем так, оценивал твоё физическое и психическое состояние после миссии, и ты показал себя не с лучшей стороны. Не волнуйся, кстати, стол у меня уже заменили. Мне он и не нравился никогда, так что я должен сказать тебе спасибо, — куратор ухмыляется и наконец-то смотрит прямо на Солдата, — Вернемся к сути. Наверху узнали про твои отношения с Романовой, её теперь отправят в другое место, и я не знаю, куда именно.

— Она вам не принадлежит, — упоминание родного имени заставляет Солдата наконец-то обрести голос, но его лицо все еще напоминает камень.

— Но и тебе не принадлежит тоже. Не волнуйся, будет жива. Может, даже замуж выйдет. Детей не нарожает, но семью обретет. В каком-то смысле...

Какое-то время они молчат.

— А что насчет тебя? Ничего не хочешь мне рассказать, Солдат, пока есть возможность?

— Пока есть возможность?

— Мы оба знаем, что у тебя есть проблема, которую ты скрываешь от нас. Именно это и стало причиной провала в Берлине, верно? Я обещаю тебе помочь, но для этого мне надо быть в курсе того, что с тобой происходит. Здесь никого больше нет, только ты и я. Даже стены закрыли свои уши. Я даю тебе шанс, последний раз протягиваю руку. Я могу прямо сейчас развернуться и уйти, но не думай, что твои тайны останутся в секрете. Сегодня я пришел к тебе не как начальник, не как куратор, а как друг. Откажешься, и завтра

придут другие, и церемониться они с тобой не будут. Выбор за тобой.

Наверное, настал тот самый момент. Ведь Солдат давно хотел рассказать о постоянных головных болях, о странном сне, в котором ему снится поезд в заснеженных горах и...

— Скажите, а та миссия, в которой я потерял руку... Она не была связана с каким-то человеком в синем... в синей офицерской форме?

— Это был взрыв завода, Солдат. Вражеская диверсия, ты единственный выживший, более 100 погибших. Насколько я знаю, там не было никого в синей униформе, тем более военных, только гражданские. Ты должно быть, плохо это помнишь, но это правда, Солдат. А с чего такие вопросы?

— У меня усилились головные боли. Такое и раньше бывало, но периодически, а теперь не проходит. И еще постоянно вижу один и тот же сон: будто бы я был где-то в горах, зимой, в поезде. Там еще был человек, в синей форме, кажется офицерской, не помню звания, но там были звезды, и не одна, наверное.

— И это все?

— Да.

— Почему ты не рассказывал об этом раньше?

— Не придавал этому значения.

— И сколько это уже длится?

— Три недели.

— Сны – странная штука. Я не эксперт в таких вопросах, но не думаю, что здесь есть повод для серьезных волнений. А вот с головой я бы шутить не стал. Скажу врачам, чтобы тебя сейчас осмотрели. Отправляйся в медблок, тебя там уже ждут. Обычный медосмотр, как и всегда после задания, ничего необычного, но теперь я прикажу, чтобы его провели тщательнее. Иди.

— Есть.

Солдат выходит из зала и направляется в медблок, как и было приказано. Куратор задерживается в пустом зале, словно поджидая кого-то. И это правда, у него и в самом деле здесь назначена очень важная встреча. Он ждет своего утреннего посетителя, который всегда славился своей пунктуальностью.

— Я снова рад нашей встрече, полковник! Как проходит ваш день? Мой — замечательно! Надеюсь, вы позвали меня, чтобы сообщить хорошую новость.

— Да, пожалуй. Вы были правы насчет Зимнего Солдата, он действительно начал вспоминать и уже очень многое вспомнил.

— Полковник, разве мои слова подлежат сомнению и проверке?

— Проект «Зимний Солдат» очень важен. Простите, но я должен был убедиться лично.

— Убедились? Я рад. Это все, что вы хотели мне сказать?

— Нет, не только. Я поддерживаю ваше предложение о возвращении проекта к фазе А1.

— Поддерживаете? Полковник, я не нуждаюсь в вашем одобрении, — на лице человека появилась ядовитая усмешка, — переход проекта к фазе А1 уже утвержден наверху, а руководство над проектом передается мне. Не знал, как вам сообщить, хорошо, что вы позвали меня сюда.

— И по какой же причине я отстранен, могу узнать? — обычно спокойный и ровный голос подводит куратора, переходя едва не в крик.

— Вы потеряли контроль над Солдатом, разве это недостаточно? Вы относитесь к нему, как человеку. Помните, что я говорил вам утром? Перед нами оружие, может быть, самое

совершенное из всех существующих на данный момент, а вы готовы вытирать ему сопли, как впечатлительная мамаша! Вы превратили Солдата в хнычущего ребенка! Видите, к чему это привело?

— Да что вы себе позволяете!

Нервы сдают окончательно, и куратор хватается своего собеседника за лацканы его идеально выглаженного черного костюма, но человек оказывается слишком проворным. Он резко освобождается от захвата и проводит классический хук в челюсть.

— Вам не стоило этого делать, полковник.

Куратор чувствует, как рот наполняется кровью. Кажется, у него выбит зуб. Куратора пошатывает, он сгибается напополам, и в этот момент в зал заходят два офицера младшего звания.

— Теперь я вижу, полковник, у кого Зимний Солдат научился манерам. Не волнуйтесь, теперь у него будут славные учителя, — человек поправляет свой пиджак и отдает вошедшим офицерам короткий приказ.

— Увести.

Офицеры незамедлительно уводят еще не пришедшего в себя куратора из зала.

Напоследок человек в штатском оглядывает с улыбкой зал и уходит, запирая двери на ключ.

Зал снова погружается в мертвую тишину.

Разговор с куратором вышел не таким плохим, как ожидал Солдат, но что-то все равно не давало ему покоя. Когда все пошло наперекосяк? В Берлине? Или, может быть, раньше? В тот день, когда его новая, непозволительно блестящая рука впервые забрала чью-то жизнь? Или еще раньше, когда... Когда что? Какой была его жизнь до того пробуждения на операционном столе? Что было перед тем, как маленький человек в смешных очках и белом халате собрал его заново?

Две строчки из собственного досье, которое когда-то показал ему куратор, не давали ответов на эти многочисленные вопросы.

«Был найден после взрыва на сталелитейном заводе в Л. Единственный выживший. Личность неопределенна.

Сильные повреждения левой стороны. Жизненно важные органы в норме».

Должно же быть что-то еще помимо позывного «Зимний Солдат». Хотя бы имя. Ведь у людей оно есть. Даже каждая цель Солдата имела свое имя, написанное черным по белому в личном деле, так почему он не может иметь имя? Ведь он тоже... *человек?*

Открывающиеся двери лифта прерывают череду бесконечных вопросов в голове Солдата, и он, пройдя по узкому недлинному коридору, попадает в знакомое помещение медблока. Должно быть, внешне медблок ничем не отличается от обычной больницы, лишь за тем исключением, что находится глубоко под землей, и все его врачи работают в условиях строжайшей секретности. Впрочем, Солдату не с чем сравнивать — тот единственный раз, когда Солдату пришлось посетить обычную больницу был связан с заданием. Тогда для устранения цели ему пришлось проползти тридцать метров по вентиляции мимо охраны. Он помнит, что там было чертовски тесно и жарко. Наверное, так чувствуют себя кильки в консервной банке.

Солдата встречает старая знакомая — маленькая медичка с холодным взглядом. Солдат не знает ее имени, но думает, что ее вполне могут звать Розой. Такая же красивая и опасная.

Если бы в другой жизни она была его женой, как ее звали тогда? Зимняя Роза? Солдату кажется это до смешного нелепым, и он улыбается собственным мыслям.

Видимо, улыбка так не типична для него, что даже вечная холодность во взгляде «Розы» на мгновение превращается в искреннее удивление.

— Пойдемте, Солдат. Вас уже ждут.

Вместо комнаты, где проводят обследования, Солдата приводят темный зал, больше похожий на ангар, чем на больницу. Он никогда не был в этом месте, но почему-то оно кажется ему смутно знакомым. Солдат успевает кинуть взгляд на несколько странных предметов, напоминающих бронированные шкафы. Это не похоже на сейф или что-то подобное.

Слева к Солдату подходит высокий офицер. Держится подчеркнуто отстранено, но Солдат все равно отмечает возможную угрозу и готовится к отражению атаки.

Но сегодня противник оказывается сильнее, чем все предыдущие. Солдат не способен отвести удар.

Один агент, в нужное время, в нужном месте, с правильными навыками, может быть более эффективным, чем целая армия, но, иногда, чтобы остановить агента достаточно одного слова.

Офицер произносит всего лишь одно слово.

— Спутник.

И Солдат проваливается в темноту.

Солдат медленно просыпается. Голова раскалывается, к левому виску словно приставили гвоздь и медленно скребут им по черепу. Боль такой силы, что Солдат теряет связь с реальностью, и ему кажется, что он падает в огромную снежную пропасть.

Он слышит, как где-то над ним стремительно проносится поезд.

Он пробуждается от звука собственного крика и понимает, что кричит он сам.

Он не знает, кто он, его больше не существует. Он умер.

В горах сегодня жуткая пурга. Ледяной ветер пробирает до костей. Холод такой, что, наверное, сам Сатана замерз в Аду. Нужно идти вперед, может, удастся найти тепло.

Не успевает Солдат сделать и пары шагов, как метель останавливается и воцаряется мертвая тишина.

Резко. Слишком резко.

Солдат отмечает, что один сугроб имеет неправильный вид. Он протягивает к нему левую руку.

Металлические пальцы дотрагиваются до чего-то невидимого, и Солдат обнаруживает себя внутри странного подобия консервной банки. Ему кажется, что он здесь уже был.

Поздно. Слишком поздно.

Должно быть, так правильно, наверное. Они знают лучше. Те, другие.

«Пора спать, Зимний Солдат».